

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

РЯДОМ

Мария Зайцева Рядом

*Текст предоставлен правообладателем
2022*

Аннотация

Ты можешь думать, крошка,
О том, что я – отброс,
О том, что я – ничто,
Но мы с тобою знаем,
Что никогда никто
Не будет тебя любить,
Не будет тебя любить.
Больше, чем я.

Содержание

Я замуж выхожу...	4
Особенности вступления в студенческие сообщества	10
Первый раз	21
Первое свадебное путешествие	36
И он рядом	42
Прозрение	50
Она умеет быть благодарной	53

Мария Зайцева

Рядом

Я замуж выхожу...

Скажи мне снова, крошка, Кто тебя будет любить? Кто тебя будет любить? Больше, чем я? Скажи и сделай громче, Ответ свой запиши, И слушай иногда, Чтоб не забыть, что ты – Хорошая девочка. Почаще повторяй, И в зеркало смотри, И, может, повезет? И ты тогда сама Поверишь в этот бред? Скажи мне слово, крошка! Скажи и запиши, Но мы с тобою знаем, Что никогда никто Не будет тебя любить, Не будет тебя любить Больше, чем я. Скажи мне слово, крошка, О том, что я – мудака, О том, что я – отброс, О том, что я – ничто. Но мы с тобою знаем, Что никогда никто Не будет тебя любить, Не будет тебя любить Больше чем я. Ты позвони мне, крошка. И я к тебе сорвусь, И я к тебе примчусь, И я тебя спасу. Ты можешь думать, крошка, О том, что я – мудака, О том, что я – отброс, О том, что я -ничто, Но мы с тобою знаем, Что никогда никто Не будет тебя любить, Не будет тебя любить. Больше, чем я.

Вольный, очень вольный перевод песни Shameless, группы Weeknd, вдохновившей меня на эту работу. Обязательно слушайте эту песню, пока читаете книгу.

Кэти терпеть не могла курить в постели. Табачная вонь впитывалась намертво в простыни, и их приходилось менять. Впрочем, после сегодняшней ночи все равно менять придется. Поэтому, плевать. Панорамные окна, из-за которых она и сняла эту квартиру, открывали сюрреалистический вид на утренний город, уже в дымке смога. Ощущение, будто паришь надо всем. Будто то, что происходит внизу, тебя никогда не коснется. Сигарета была мерзкая. Крепкий, дешевый табак. Горло драл нещадно. Но своих у Кэти не водилось, а Рик только такие курил. Кэти покосилась на растатуированную жилистую спину лежащего рядом мужчины, отвернулась к окну, сделала еще одну глубокую затяжку. Великолепный вид. Единственное, что есть хорошего в этой квартире.

– Я замуж выхожу, – тихо проронила она в пространство.

Мужчина не шевельнулся. Можно было бы подумать, что он крепко спит, но Кэти за столько лет прекрасно изучила его повадки. Не спит. Давно не спит. С того момента, как она села, потянувшись за пачкой и зажигалкой.

Кэти пошевелилась, доставая новую сигарету. Сегодня можно. Последний раз. С легким неудовольствием ощутила, как заныли мышцы в промежности. Как всегда после секса с ним. Чертов придурок думал исключительно о себе. Только о себе. И ее это невозможно заводило. То, как он обращался с ней. Как она того заслуживала, наверно. Но это все в про-

шлом. Теперь в прошлом уже.

– Ничего не скажешь? – зачем спросила? Словно ей реально интересно его мнение. Уже не интересно. Он никто. И всегда будет никем.

Рик перевернулся на бок, потер подбородок, заросший грубой щетиной. Кэти опять со злостью подумала, что наверняка на лице у нее потертости. Мог бы и побриться перед тем, как к ней ехать. Хотя, о чем это она? Только о себе, да. Чертов придурок. Поймала на себе внимательный изучающий взгляд, поежилась. Слишком пронзительный. Темный. Неуступчиво вскинула подбородок. Пошел нахер. Рик, как всегда, легко читая все ее внутренние мотивы, усмехнулся и резко навалился на нее, вынимая сигарету из пальцев, затягиваясь, выдыхая дым прямо в полуоткрытые губы.

– Поздравительный секс? – его хриплый со сна голос интимно царапнул низ живота, сердце застучало сильно и гулко, отдаваясь нервным трепетом в жилке на шее. Рик наклонился к этому чувствительному месту, лизнул, всосал кожу, намеренно оставляя след. Кэти, разозлившись на него, тем не менее не попыталась освободиться. Он всегда творил с ней, что хотел. Она всегда злилась. Потом. Но не в процессе. В процессе ее все более чем устраивало. Так устраивало, что все мысли вылетали из головы со свистом. Так устраивало, что терялся контроль над телом. Так устраивало, что стыдно потом было вспоминать себя такую. Её никто такой не знал, не видел. Кроме него.

Рик опускался ниже, прикусывая по пути грудь, живот, бедра, не торопясь, основательно и со знанием дела. Кэти привычно уцепилась руками за спинку кровати и закусила губу. Поздравительный секс, да.

– Даже не спросишь, за кого?

Она лежала на животе, с очередной сигаретой. Явно интоксикация организма обеспечена. От переизбытка табака. И Рика.

– А нахера?

Он надел джинсы и теперь искал футболку, которую вчера она содрала с него чуть ли не с кожей и зашвырнула под кровать.

– Что, совсем не интересно?

Гад. Какой гад все-таки.

– Неа. Очередная твоя попытка быть хорошей девочкой? Которая по счету?

Он нашел, наконец, футболку, натянул, скрывая расписной крепкий торс. Одетый, он смотрелся не менее горячо. И знал об этом. Конечно, знал. И пользовался этим вовсю. Кэти видела, как на него смотрят другие женщины. И бесилась почему-то. И сейчас окончательно разозлилась от его вида. От его непоколебимой, животной сексуальности. От того, что не будет его больше рядом с ней.

– Я и есть хорошая!

– Ага... Особенно вчера. Когда ты уже успокоишься, Кэт?

Он присел рядом с ней на кровать, провел ладонью по спи-

не, лаская, как кошку.

– Это все в прошлом! Это последний раз!

Кэти, перекатившись, попыталась скинуть его руку.

– Ты каждый раз говоришь, что это в последний раз. – Рик покачал головой, легко вернул ее обратно, под свою ласкающую ладонь, – и каждый раз просишь меня приехать.

Пальцы легко пробежались по позвонкам, Кэти, помимо воли, выгнулась, подставляясь. Ненавидя себя за эту животность, что он будил в ней. Столько лет, столько долбанных лет. А она каждый раз ведётся на него. Как в первый.

– Ты же знаешь, Кэти, никто не будет тебя трахать так, как я, – голос его понизился, практически поуркивал, словно у большого хищного кота, пальцы пробрались ниже, в ложбинку между ног, привычно и умело надавили, потерли, вызывая дрожь во всем теле, – ты же знаешь это, Кэти... Ну сколько можно, в самом деле... Я всегда буду рядом, я всех твоих мужей переживу. И похороню. Может, хватит уже бегать?

– Нет, нет... – она извивалась, уже насаживаясь на его пальцы, прикрыв глаза от удовольствия, – нет...

– Нет? – он резко, с хлопом, выдернул пальцы, встал. – Ну хорошо, милая. Звони, как решишь разводиться. Или просто так. Ты же знаешь, я всегда буду рядом.

Он подхватил куртку и шлем и вышел. Хлопнула входная дверь. Кэти со стоном повалилась на постель, зарываясь в простыни, вдыхая его запах. Как хорошо, Господи, как хоро-

шо, как правильно он пах. И правильно говорил. Всегда рядом. Стоит только позвать. С того самого, первого дня, когда они встретились в одной группе детского сада. В рабочем квартале их города. Вот только она не захотела оставаться там, продолжать жить так, как жили ее и его родители. Она уехала. А он остался. Его все устраивало. Кэти встала, подошла к окну, разглядывая город, который уже практически покорился ей. Скоро она выйдет замуж. Он успешный, молодой, богатый. Очень богатый. У ее детей будет все. То, чего у нее не было. То, чего у Рика не было и никогда не будет. Она все делает правильно. Вот только почему-то кровь стучит больно. Там, в районе жилки на шее, что так сладко, так сильно прихватывали его зубы.

Особенности вступления в студенческие сообщества

– И вот ты представляешь, меня поставили на стул в носках, вокруг накидали битых бутылок от пива, завязали глаза. – Кэти лениво перебирала редкие волоски на груди Стивена, гадая, зачем он вообще их оставляет, не сбривает, это же убожество какое-то, вполуха слушая его рассказ об испытаниях новичков в Йеле, – и начали мне задавать вопросы по истории университета, истории братства... Сложные очень. И, если не знаешь ответ, или неправильно говоришь, то все орут: «Прыгай! Прыгай!». А там стекло внизу...

– И что? – Кэти потерлась щекой о грудь Стивена,хватила мягкими губами сосок, – прыгнул?

– А куда деваться? Сама понимаешь, что, если не прыгнешь, то путь в братство навеки закрыт...

– И что? Порезался?

– Ты представляешь, они, пока я отвечал, успели заменить бутылки на чипсы! Я прыгнул, такой хруст раздался страшный... Бррррр... Думал, все, ноги до кости порезал, и от шока боли не чувствую...

– Да, – Кэти сочувственно посмотрела на Стивена, – какой ужас, милый...

– Да уж, много чего пришлось пережить... – Стивен обод-

ряюще провел пальцами по щеке девушки, – вам-то проще, девочкам, таких строгих правил нет. Ты сама была в сорорити (прим. здесь: женское студенческое сообщество)? В своем универе?

– Нет, милый, – Кэти нахмурилась чуть-чуть, – я всегда заучкой была, ходила только на занятия и в библиотеку...

– Да ты моя скромница, – Стивен мягко опрокинул Кэти на спину, лизнул шею.

Кэти, незаметно морщась от неприятных ощущений влажного языка на коже, обняла парня, с готовностью раздвигая ноги. С готовностью, но чуть покраснев. Скромно.

Как она была счастлива тогда, пять лет назад, поступив в универ! Не самый престижный, не Йель и не Принстон. Тут даже с ее бешеной бульдожьей хваткой было не попасть. Биографией не вышла. Но Хьюстон тоже был неплох. Вот только соседки по комнате смотрели с пренебрежением. Оно и понятно, от Кэти за версту несло трейлерным городком. Кэти тогда закусилась по полной. Нашла две подработки, официанткой и посудомойкой. Главный их плюс был в ночных сменах и удаленности от студгородка. Через пару месяцев она уже ничем не отличалась от своих веселых, богатеньких однокурсниц. Разве что круги под глазами приходилось серьезно тоналкой мазать. Симпатичную первокурсницу стали приглашать на вечеринки для новичков. Кэти ходила. Смотрела, как отжигают девочки из братства. Они тогда

казались ей нереально крутыми.

Принадлежать к их кругу – это был высший пилотаж.

Кэти, после того, как, несмотря на визги матери и многозначительное неодобрительное молчание Рика, все же пошла туда, куда хотела, вообще никаких препятствий перед собой не видела. Только цель. Если для того, чтоб закрепиться в кругу богатых, нужно попасть в сорорити, то она это сделает. На очередной вечеринке подружка отвела ее к девочкам из клуба. Кэти слушала внимательно. Мотала на ус. Испытания. Да. Она готова. Увлеченная и воодушевленная открывающимися перспективами, она не заметила многозначительных переглядок холеных девок. А дальше...

О том, что было дальше, Кэти помнила смутно. Урывками.

Вот она на столе, в одной футболке, без лифчика, и ее поливают сверху пивом, а ей смешно, весело! И все вокруг смеются и веселятся.

Вот ей дают еще выпить и тащат на барную стойку танцевать. И почему-то, кроме нее, никто не танцует.

Вот ее подначивают подойти к самому главному задроту вечеринки, непонятно, как попавшему сюда, и поцеловать. И она идет и целует.

Потом провал.

Пришла в себя Кэти на заднем сиденье, в машине. В движущейся куда-то машине. От грубых прикосновений к груди. Вскинулась, отшатнулась.

– Эй, братья, она очухалась! – голос был незнакомый. А вот лицо... Лица. Трое парней, старшекурсники. Она их в университете видела не раз.

– Ну что, малышка, укачало тебя? – с притворной заботой наклонился к ней тот, кто сидел рядом, опять мазнув рукой по ее груди.

Айк. Да, его зовут Айк.

– Куда... – Кэти закашлялась, голова мучительно ныла, перед глазами все плыло, – куда мы...

– Да тут, недалеко.

Кэти откинулась на спинку сиденья, подышала, пытаюсь прийти в себя. Чем ее накидали? Почему она здесь? По гол-лой ноге поползла рука, Кэти гадливо дернула коленкой. Понятно, почему. Но как?

– Ты чего, малыш? Не помнишь ничего? – Айк переглянулся с парнем с пассажирского сиденья, тоже развернувшимся к ним и не сводившем с Кэти тяжелого взгляда, – это же испытание. Тебе Бет не объяснила разве? Мы из SAE. Это заключительный этап. Окончательная проверка. Будешь послушной – и все, считай ты в братстве.

Кэти перевела взгляд с Айка на парня на пассажирском, все еще многозначительно плящущегося на ее ноги, вздрогнула от омерзения. Нет уж. На такое она не соглашалась.

– Нет. Я не согласна. Машину останови.

Она старалась говорить уверенно, смотреть прямо. Главное, чтоб остановились, выпустили ее. Плевать, где, разбе-

рется. Кэти нащупала сумочку, порадовавшись, что многолетняя привычка намертво вцепляться в свое имущество и сейчас не подвела.

– Не тупи, малыш, ну куда ты пойдешь? – у водителя был низкий хриплый голос. И ни малейшего намерения останавливаться.

Кэти сунула руку в сумочку, нажала на быстрый набор. Ни на что не надеясь.

Три месяца назад она окончательно порвала с прошлой жизнью. Сбежала, бросив все. Бросив Рика. И, наверно, уже поздно было. Но других шансов спастись не находилось.

– А мы где? Куда едем? – она деланно спокойно огляделась, старательно игнорируя руку на своем бедре, опять поползшую вверх.

Не будут же ее трахать на ходу? А так, пусть полапает.

– В сторону Спринга едем, малыш, там мотель есть.

– Какой? Ранчо? – Кэти ни одного мотеля больше не помнила, рубанула наугад.

– Зачем нам Ранчо, детка? Там слишком шумно. Нет, в Фортуну поедем. Ты уже не против, я смотрю?

– Ну это же испытание, – Кэти постаралась, чтоб губы не дрожали при широкой, лучезарной даже, улыбке. Она не могла посмотреть на телефон, вообще не могла его светить, поэтому не знала, дозвонилась ли. Даже если и дозвонилась... Не факт, что ее услышали. Захотели услышать.

В любом случае, остается надеяться, что до мотеля ее до-

везут, не разложив где-нибудь по дороге. А уж там-то она что-нибудь придумает. Надо только разговаривать, отвлекать.

– А чья это машина? Красивая... – Кэти, делая над собой усилие, терпела поглаживания по ноге, старательно не обращая внимания на похоть в глазах парней.

– Это корвет Дерек.

– Красивый. По-моему, единственный у нас в университете такой?

– Да, вишневый только у меня, – кивнул водитель, с удовольствием погладив по рулю.

– Освоилась, малыш, успокоилась? – Айк неожиданно резко дернул Кэти за ноги к себе, – может, пока едем, минет?

Он навалился на нее, активно лапая и умудряясь одновременно расстегивать ширинку.

– Нет! – Кэти все-таки не выдержала, ощущение поганых рук на своем теле просто снесло напрочь всю выдержку, и она забилась, пытаясь освободиться, уже не думая ни о чем.

– Эй, обивку мне не поцарапайте, – недовольно прикрикнул Дерек, кося в зеркало на происходящее на заднем сиденье.

– Отпусти меня, тварь! – Кэти вцепилась ногтями в лицо Айка, тот взвыл и сильно ударил ее по щеке. Голова мотнулась так, что, казалось, совсем сейчас оторвется от шеи, Кэти, не удержавшись, упала на пол между сиденьями. Никак не получалось вдохнуть, паника заставляла совершать

ошибку за ошибкой.

– Да погоди ты, давай хоть в сторону отъеду от дороги! – Дерек резко вильнул, съезжая с трассы, Кэти, которую рывком вернули на сиденье, сквозь слезы, увидела лицо нависшего над ней Айка, услышала подбадривающие выкрики его приятеля с тяжелым мутным взглядом, из последних сил попыталась уклониться от противных до блевоты губ, скользящих по шее, получила еще один удар по лицу и отключилась.

Пробуждение было тяжелым. Голова болела, челюсть ныла, глаза не разлеплялись. Кэти попыталась повернуться на бок, но чья-то рука удержала ее.

– Лежи, бл*ть.

Голос был знакомый. Родной. Кэти все-таки открыла глаза. Рик сидел рядом с ней, с неизменной сигаретой в зубах, удерживая за плечи, чтоб не поднималась.

– Ну че, бл*, студентка, как тебе учеба?

– Отпад... – из горла вместо слов вылетел невнятный сип, но Рик понял.

– Давно групповушку уважаешь?

Кэти отвернулась. Провела руками по телу. Джинсы и футболка на месте. Это очень хорошо. Просто очень. Это значит, что Рик успел. Видно, рядом был.

– Че, комплектность проверяешь? Все на месте, Кэт, не волнуйся. Ненадолго, правда.

Кэти опять повернулась к Рику, оттолкнула его руку, села,

мучительно закашлялась.

Рик сунул ей стакан воды, дождался, пока жадно выпьет. Кэти выдохнула, дотянулась до его сигареты, глубоко затянулась, даже не морщась, как обычно, от крепкого дешевого табака.

– Как нашел?

Рик прикурил еще одну, встал, налил на два пальца своей любимой крепкой гадости, вернулся, протянул ей.

– Ты же умная девочка. – Пронаблюдал, как Кэти жадно выпила до дна, качнул головой, – хотя и дура, конечно, редкая. Вот зачем тебе это все, Кэти? Не наигралась еще в элиту? В хорошую девочку? Получила то, что хотела, а? Странно вышло, да? Оказывается, чистых хороших девочек тоже ебут.

– Заткнись. – Кэти протянула стакан, одобрительно отследила щедрую добавку. – Что ты с ними сделал?

Рик усмехнулся, достал еще один стакан. Налил, салютнул, выпил.

– Хорошим девочкам не надо такое знать.

– Они хоть живы? – Кэти нахмурилась. Ей не улыбалось влезать в криминал. Конечно, твари должны получить по заслугам, но она в этом участвовать не собиралась.

– Живее всех. И, наверно, даже счастливы. Ну, я так думаю. Новый опыт, как-никак... Потом на ютуб загляни.

Рик глотнул еще, не сводя с нее взгляда. Кэти не сдержала вздох. Как всегда, от одного только его присутствия ста-

новилось не по себе. Он знал это, само собой. Усмехнулся. Самоуверенный гад.

Кэти, упрямо игнорируя сигналы тела, допила стакан одним глотком. Стало ощутимо легче. Теплее. Безопаснее. Или это не от спиртного?

Кэти совсем не хотела думать, что это от близости Рика. От того, что он рядом, как всегда. Словно недостающий элемент для завершенной идеальной картины мира с треском лег на место.

Кэти вздрогнула. Нет уж. Помог. Спасибо ему. Но на этом все.

Она демонстративно огляделась.

– Где мы?

– А там, куда тебя трахать везли, – Рик отставил стакан, присел на кровать рядом с ней, Кэти подобрала ноги. – Мой телефон на быстром наборе до сих пор.

Ни одной вопросительной интонации. Не сомневается даже.

Как и всегда.

– Не успела убрать... – Кэти отвернулась.

– Ну да, ну да... Че дальше делать будешь?

Рука с ее именем на внутренней стороне запястья тяжело легла на тонкую щиколотку, большой палец едва заметно провел вниз, к пятке. Кэти, еле удержавшись, чтоб не застонать, незаметно закусил губу, посмотрела на Рика с вызовом.

– Поеду в кампус.

– Кэти... Ну вот нахера? Тебе мало одного раза? Я ведь чудом успел. Просто рядом был.

Кэти демонстративно убрала свою ногу из его пальцев, поправила футболку.

– Я сама решу, когда мне хватит. Спасибо за помощь.

Сделала движение, чтоб подняться, но тяжелая ладонь вернулась, пригвоздила к месту.

– Хочешь быть чистенькой? Казаться чистенькой? Хорошей? Как они? Вот только они таких, как ты считают грязью. Никогда ты для них хорошей не станешь. Слишком уж рабочим кварталом воняет. Они твари, Кэт.

– Такие же, как и твои приятели, – огрызнулась Кэти.

– Только богаче, да? – Рик легко переместился по кровати, мягко навис над ней, вынуждая отклониться на подушки.

Кэти, смиряя резко застучавшее сердце, смотрела в его глаза, не отрываясь.

– Да?

Его ноздри слегка подрагивали, втягивая ее запах, от губ пахло сигаретами и спиртным. Кэти непроизвольно поджала пальцы на ногах, пытаясь перебороть реакцию тела. Свою реакцию на Рика. Невыносимую реакцию.

– Да! – храбро ответила она и уперлась ладонями в его грудь.

Он помолчал, не двигаясь, глядя прямо в глаза, и Кэти опять застыла, загипнотизированная медленно расширяю-

щимися зрачками Рика.

А затем он длинно затянулся своей вонючей сигаретой, выдохнул дым над ее головой, наклонился еще ниже.

– Ну что, чистая девочка, поиграем в грязные игры?

И вжался в ее губы настойчивым поцелуем, крепко фиксируя руки с двух сторон, чтоб не дергалась.

Но Кэти и не собиралась дергаться.

Как, впрочем, и всегда, когда он рядом.

Она любила грязные игры. Только с ним.

А ролик на ютубе – откровенная гей-порнушка с участием троих членов SAE, на фоне хорошо узнаваемого вишневого корвета, снятый на айфон, стал вирусным моментально.

Актеров больше в университете никто не видел.

И Кэти обходили десятой дорогой до самого выпускного.

И на вечеринки больше не приглашали.

Первый раз

Ночной клуб, один из самых популярных в Хьюстоне, был полон.

Кэти смотрела на свое отражение в зеркале роскошной туалетной комнаты, вяло поправляя волосы.

Девичник, организованный сестрой Стивена, был в самом разгаре.

Все шло так, как она хотела.

На высшем уровне.

Сначала огромный лимузин и море шампанского. И подружки невесты в розовых пачках.

Катание по ночному городу с визгами и вылезанием через люк машины на крышу.

Отдельный вип-зал. Так, чтобы девочки, набравшись до нужного состояния, смогли потом расслабиться на танцполе.

И вернуться обратно, к уютным диванчикам.

Да, она о таком и подумать не могла когда-то.

И почему же она сейчас здесь, в туалете, который по размерам явно больше, чем вся её студия на последнем этаже высотки в центре?

Почему не с подружками?

Может, потому, что там нет ее подружек?

Есть приятельницы по работе, знакомые сестры Стивена, Энни. Все, кто знает ее такой, какая она сейчас.

Никого из прошлой жизни.

– Девочки, колитесь, у кого как было в первый раз! – неугомонная красотка Энни, так похожая улыбкой на своего брата, не могла усидеть на месте, – ну интересно же! Я вот, например, в старшей школе, с капитаном футбольной команды...

– Ну само собой, – отпила из бокала ядерную смесь розового цвета ее подружка по школе, Марли, – капитан команды болельщиц и капитан футбольной команды... Как банально...

– Зато ты вся такая внезапная! – надулась притворно Энни, – мальчика-задрота какого-то полгода обхаживала...

– Этот задрот, между прочим, сейчас своей компанией владеет. И половиной Хьюстона, – небрежно ответила Марли.

– А ты-то тут при чем? – расхохоталась Энни, довольная, что смогла подловить подружку.

– Да больно он мне нужен... – Марла отвернулась, показала глазами бармену, чтоб повторил. – Ну, а что наша невеста скажет? М?

– Да! – Энни развернулась к Кэти, как акула, почуявшая свежую кровь, – только не ври, что Стиви у тебя первый, скромница ты наша!

Кэти чуть сильнее сжала в пальцах бокал с ядовито-розовой, как и вся окружающая обстановка, жидкостью.

Энни, при всей ее внешней безалаберности, была цепкой

и хитрой стервотинной. И Кэти не особо любила. Поэтому за языком следить приходилось в любом состоянии.

– Ну... – Кэти нарочито неопределенно пожала плечами, – у меня был парень в колледже... Но так, ничего особенного. Я же всегда была увлечена учебой. Как-то не до отношений было. Стив – первый мой настоящий мужчина.

– Ску-ко-та! – припечатала Энни, – повезло моему братишке, в наше время найти практически девственницу, это уметь надо! Ну, а ты? – она развернулась к следующей жертве, пухленькой Мегги, коллеге Кэти по работе.

Кэти допила залпом коктейль и незаметно вышла в туалет.

Из зеркала на нее смотрела красивая, холеная девушка, с розовой фатой на голове, закрепленной шикарной диадемой. Со спокойным надменным лицом. Знающая себе цену.

Невеста.

Совсем не похожая на ту девочку, что смотрела на себя в зеркало гостиной их развалюхи на окраине Спринга.

Девочке, прикладывающей фату из занавески на мышинный хвостик и представляющей себя невестой Рика.

Тогда она казалась себе уродливой, глупой курицей. Думающей не о том, о чем надо. Уже несколько лет думающей не о том, о чем надо.

Когда она поймала себя на том, что залипает на Рика? На его гибкое худощавое тело, на его пухлые губы, черные глаза, взлохмаченную шевелюру? В колледже? А, может, в школе

еще?

Он всегда был рядом, всегда на расстоянии взгляда.

Когда она стала смотреть на него по-другому?

Кэти не могла просчитать этот момент.

Просто однажды осознала, что оторваться не может. Он сидел в классе перед ней, что-то записывал, а Кэти смотрела на его длинные крепкие пальцы, на то, как он кончик ручки засовывает в рот, задумавшись, словно загипнотизированная.

А потом он резко обернулся и поймал ее взгляд. И не отпустил.

Кэти замерла, застыла просто, не в силах отвернуться.

Низ живота полыхнул сладким ужасом и... Предвкушением. Чего-то.

Прозвенел звонок, Рик поднялся, подошел к ней.

– Ты чего? Красная какая-то... Не заболела? – он аккуратно потрепал ее по плечу, – Кэти?

Она посмотрела на его руку на своем плече, перевела взгляд на немного встревоженное серьезное лицо. И внезапно разозлилась.

– Отвали! – скинула его ладонь, собрала вещи и убежала.

И потом долго смотрела на свое отражение в зеркале школьного туалета. Недоумевая, кто эта ненормальная, что сейчас пялится на нее безумными огромными глазами.

С того момента Кэти начала избегать Рика. Не смотрела на него, не разговаривала, перестала сидеть с ним рядом в

школьном автобусе.

Рик поначалу пытался поговорить, выяснить, что случилось, но Кэти только огрызалась, посылала его далеко и убежала.

А по ночам видела его во сне. Темные хитрые глаза и взлохмаченные волосы. И свои тонкие пальцы, запутавшиеся в черных кудрях.

Рик не стал за ней долго бегать. Был конец учебного года, последнего в старшей школе. На лето родители отправили Кэти к тетке в Орландо. Кэти отдохнула, загорела, успокоилась.

Посмотрела, как живут нормальные люди. В нормальных домах, а не развалюхах, полученных в качестве отступных за травму на производстве. Зарабатывают нормальные деньги, а не существуют на пособие по инвалидности.

Учат детей в нормальных школах. Ездят на нормальных машинах.

Возвращение было болезненным. Кэти огляделась вокруг и выпала в осадок. И поняла, чего на самом деле хочет от жизни.

Вот только Рик, невероятно выросший за лето, раздавшийся в плечах, ставший каким-то невозможно притягательным, опасно-сексуальным, в ее картину мира не вписывался.

Он, судя по произошедшим изменениям, тоже не терявший зря времени этим летом, приезжал теперь уже в колледж на потрепанном, но очень brutальном байке, и один только

звук урчащего мощно мотора заставлял нервно поджимать пальцы всех девочек от семи до тридцати семи. А, может, и старше. Но те умели это скрывать.

Вокруг Рика теперь постоянно кто-то крутился, кто-то кокетничал, кто-то пускал слюни.

Кэти, впервые столкнувшись с ним на колледжной стоянке, замерла на мгновение. Попятилась, не отрывая взгляда, судорожно сжав учебники.

Отвернулась, спряталась за отросшими за лето ниже лопаток волосами, рванула мимо, к порогу.

– Привет, Кэт.

Каким образом он вдруг оказался на ее пути?

Кэти вздрогнула, чуть не уронив книги, уперлась носом прямо в пропахшую бензином и табаком футболку.

Медленно подняла глаза.

И задохнулась.

Она думала, что все прошло. И теперь мучительно переживала разочарование от открытия.

Ничего не прошло. Вообще ничего. Только сильнее стало. Только жестче.

Рик был невозможно, невероятно просто хорош. И, судя по вспыхнувшим весельем глазам, прекрасно это знал. Понимал, как действует на нее. На любую девушку на сто миль вокруг.

– Хорошо выглядишь. Как лето?

Вопрос.

Он задал вопрос.

Кэти заставила себя сосредоточиться на его словах, а не губах. Но не получалось. Никак не получалось.

Чертов мудака!

Она до боли прикусила губу, чтоб прийти в себя.

– Хорошо, ты, я смотрю, прибарахлился? С какой помойки байк увел?

С удивлением осознавая, что голос, несмотря на внутренний раздрай, даже не дрожит и звучит довольно язвительно, Кэти осмелела и посмотрела прямо в глаза Рикю.

Как раз смогла поймать тень ярости, промелькнувшую в черных зрачках. Удовлетворенно усмехнулась, чувствуя, как немного отпускает.

И почему ей так нравилось доводить его? Испытывать терпение?

Теперь особенно, когда он стал таким чертовым манящим мудаком.

– Ну пока! – Кэти отвернулась и побежала к ступенькам колледжа, пока Рик придумывал, что бы ей такого ответить.

Или что бы с ней такого сделать.

Сердце стучало, вырывалось из тела, низ живота сводило, как при месячных, настроение было отличным.

Ровно до того момента, пока на большой перемене не увидела Рика, обжимающимся с Мелани, главной соской колледжа.

Кэти поджала губы, резанула парочку высокомерным

взглядом и гордо прошла мимо.

Рик ей нахер не нужен, однозначно.

У нее другие планы. Другая жизнь. Будет.

Больше чем полгода она успешно придерживалась этого направления.

Училась, подтягиваясь по всем предметам на отлично, бралась за любой проект, который мог добавить баллов в ее резюме. Ходила на все необходимые факультативы. Не отвлекалась ни на что. Ни на кого.

И особенно не отвлекалась на одного симпатичного мудака.

Рик, между тем, устойчиво занявший место Самого Плохого Парня колледжа, развлекался вовсю, казалось, забыв о ее существовании.

Вокруг него постоянно вихрился хоровод из приятелей, подружек, каких-то сомнительных личностей. По колледжу ходили слухи один нелепее другого.

Кэти только презрительно кривилась, когда при ней начинали разговор про Рика.

У нее была цель.

А, чтоб поменьше видеть тяжелые горячие сны с его участием, Кэти даже завела себе приятеля, Карла, с которым вместе ходила на факультатив по истории.

Ну как приятеля... Так, провожал несколько раз дома, подвозил на старой колымаге своего отца, да в МакДак сводил, купил чизбургер.

А потом пропал. Перестал здороваться и ходить на фа-

культатив.

Кэти пожала плечами только. Не особенно-то и хотелось. Все равно он ей не нравился, особенно когда с поцелуем полез прямо на крыльце дома.

На ту вечеринку перед летними каникулами ее затащила двоюродная сестра. Просто за компанию, потому что одной страшно. Там должны были быть парни из универа, и сестра ужасно нервничала.

Кэти скромно пила пиво в углу гостиной, демонстративно не обращая внимания на липнувшего к ней пьяного парня из другого колледжа, и уже прикидывала, как будет убираться отсюда, потому что должны же быть рамки какие-то, а сестра пусть сама разбирается со своими страхами и хотелками, когда ее избавили от пьяного придурка его приятели, утащив силком в сторону.

И все бы было замечательно, если б один из них не сказал достаточно громко:

– Вот ты debil, валим, пока Рик не просек. Оторвет руки, нахер, и в жопу засунет.

– Нахер Рика! – вырывался придурок, но ему дали кулаком в живот и унесли прочь.

А Кэти, нахмурившись, выцепила в толпе не успевшего спрятаться от нее Карла и приперла к стене.

И узнала много чего интересного. Очень много интересного.

И Рик, неожиданно появившийся на пороге, оказался

очень кстати.

– Ну говори, чего хотела, – он вальяжно облокотился о ствол дерева, закурил, насмешливо разглядывая ее красное от бешенства лицо.

Из дома доносилась музыка, но не особенно громко, все-таки деревья в небольшом парке на другой стороне улицы приглушали звуки. И дарили мнимое чувство уединения.

По крайней мере, свидетелей их разговора тут точно не было.

– Ты... – Кэти задохнулась, попыталась успокоиться, сформулировать фразу, – ты – скотина!

– Бл*. И чего это вдруг? – Рик не удивился и не разозлился. И с места не двинулся.

– Ты зачем всем растрепал, что я... Твоя?

Последнее слово она выплюнула ему в лицо, подойдя близко, чтоб глаза бессовестные видеть.

Рик не ответил.

Демонстративно медленно сделал еще затяжку, не отводя от нее взгляда.

А Кэти неожиданно увидела татуировку у него на запястье. Странную вязь, буквы, сплетающиеся... Она резко схватила его руку, развернула к себе силой.

Рик сделал движение, чтоб вырвать, но затем не стал дергаться.

Только впился в ее ошарашенное лицо серьезным темным

взглядом. Куда исчезла эта его вечная насмешливость?

А Кэти со сладким замиранием в груди все смотрела и смотрела.

И глазам не верила.

– Зачем?

Она подняла на глаза, обожглась о его взгляд, торопливо отвернулась.

– Не бери в голову. Это не про тебя.

Уверенный, твёрдый голос.

Но Кэти только головой покачала.

Врет. Все врет.

Гад. Мудак.

Зачем? Ну зачем ей это все?

А потом резко повернулась и сделала то, что давно хотела.

Еще с прошлого года.

Губы Рика были горькими и жесткими. Табачными. Спиртными. Голова закружилась моментально, как от первой затяжки травкой.

Кэти прижалась теснее, закинула руки на шею Рiku, с увлечением пробуя его губы на вкус, пытаясь проникнуть языком в рот, упиваясь его запахом и новизной ощущений.

И не замечая даже, что Рик ей не отвечает. Не обнимает. Никак не реагирует на поцелуй.

И руки его придерживают ее за плечи, чтоб оттолкнуть. Мягко. Но настойчиво.

И Кэти, у которой все горит, все жжется, и пальцы его жгутся, и губы от его вкуса полыхают, непонимающе смотрит на ладони на своих плечах, шипит раздраженно и опять тянется к нему. Тянется, совершенно не обращая внимания на тихий, умоляющий шепот:

– Бл***... Ты чего творишь, дура? Иди нахер отсюда, пока не поздно, вали...

Она утыкается в его шею, как маленький слепой котенок, прихватывает мягкими губами кожу на ключице, возбужденно дышит, втягивая его вкус, его запах, пытается прикусить, не в силах остановить себя.

И не слышит, совершенно не слышит, как он уже стонет практически:

– Ну че ж ты за сучка такая... Ну я же подождать хотел, хотя бы немного...

А его руки в это время резко дергают ее рубашку, не заботясь о пуговицах, и Кэти, наконец, получает то, что хотела.

То, что так давно снилось ей по ночам. И даже больше. Потому что во сне все было жарко, горячо, но неопределенно.

А в реальности все точно так же и по-другому. И Рик такой же и совершенно другой.

Грубее, жестче, острее.

Он срывается, словно давно заведенная, истомившаяся, уставшая ждать, пружина, и Кэти ощущает себя песчинкой, сорванным листком, который кружит, несет не ветер даже, а вихрь, неумолимый и жестокий.

Вихрь, который не остановить, даже если и захочется.

Но ей не хочется.

Слишком остро, слишком сильно, слишком невыносимо все.

Земля в середине весны ещё холодная, и куртка, брошенная под спину, не спасает, но Кэти не чувствует этого. Ей жарко. Ей жарко.

Рик моментально разбирается с ее джинсами, раздвигает ноги, рывком дергает на себя. Кэти не может оторвать от него глаз. От его безумного, бешеного лица, от влажных губ, которые она так исступленно целовала.

Она тянется к нему, пытается привлечь к себе, но тяжелая жесткая рука возвращает ее на землю. И фиксирует за шею. Ложится на горло. Подчиняя.

Рик смотрит ей в лицо, затем наваливается, запечатывает рот ладонью. И делает рывок.

Кэти выгибается от резкой, острой боли, кричит сдавленно. Тонкие руки, словно сломанные крылья, беспорядочно бьются по земле, собирают в горсти траву.

Но не отталкивают, даже инстинктивно.

Рик целует мокрые щеки, что-то шепчет, она опять не

слышит, что. И движется, движется внутри, ни на секунду не останавливаясь, не замирая, не давая ей прийти в себя, привыкнуть.

Так, словно не может больше себя держать, не может контролировать. Словно все его силы, вся сдержанность, ушли туда, в начало разговора, когда он ещё пытался ее остановить, оторвать от себя.

Кэти уже не кричит, только всхлипывает тихо от каждого его толчка. И руками больше не сжимает сухую траву, а тянется к нему, обнимает.

Все еще больно. Очень больно.

Но дурманящий запах его тела словно стал сильнее, но движения его, неумолимые и жесткие, подчиняют, будя что-то настолько животное, настолько бессознательное, что тело реагирует само. И Кэти выгибается уже не от боли, а от мучительной потребности ответить.

Рик хрипло стонет, словно чувствуя эту перемену в ней, ускоряется, все жестче и сильнее двигаясь, заводя Кэти все дальше за край сознания.

И кончает, когда она обнимает его за шею, обнимает крепко и жарко, прижимается мокрым от пота, горячим телом, обхватывая бедрами.

И потом, пока Кэти, оглушенная всем произошедшим, пытается прийти в себя, найти хоть какие-то слова, хоть какие-то оправдания своему поведению, он одевается, одевает ее, и увозит в ближайший мотель, где трахает всю ночь так,

что утром приходится бежать в ближайшую аптеку за специальной мазью.

Потому что для первого раза такой марафон просто безжалостен.

Кэти смотрела на свое отражение в роскошном зеркале модного клуба и видела несуразную заучку, с сумасшедшим, диким выражением лица.

Влюблённым.

Первое свадебное путешествие

– Бог мой, девочка, ты такая красотка! – мать Стивена, Дебора, смахнув с уголка глаза несуществующую слезу, подошла к Кэти, покрутила ее, как куклу, бесцеремонно и грубовато. – Все-таки МакКуин волшебник в том, что касается свадебных платьев. Хотя вот его новая осенняя коллекция просто убожество...

Она обошла Кэти кругом, поправила фату, роскошным сверкающим шлейфом лежащую на плечи, спадающую до самого пола.

– Надо было шлейф у платья делать больше. И фату длиннее. У Камински шлейф четыре метра был, трое мальчиков несли...

Кэти, не вслушиваясь в ставший уже привычным зудеж будущей свекрови, оглядывала себя в зеркале. Не узнавая. Не веря. Ну неужели, бл*ть, это произошло? Ну неужели??? Она подавила желание поправить прическу, жалея потраченные на нарочитую небрежность три часа жизни. Да уж, красотка. О таком можно только мечтать. Она и мечтала. И вот мечты сбылись. Сбудутся. Уже через полчаса. Ровно столько требуется, чтоб доехать до церкви. Кэти отвернулась от зеркала, подошла к окну. Отель, один из самых дорогих и модных, предоставлял молодоженам полный спектр услуг, куда входил не только номер для новобрачных после праздника,

но и специальные номера для жениха и невесты до. Чтоб можно было провести подготовку с комфортом. Ну в самом деле, не на дом же стилистов приглашать? Стивен уже должен был уехать на своем лимузине, и, как примерный жених, ждать ее у алтаря. Кэти поправила корсаж, слишком туго затянутый, и, не оборачиваясь, кивнула выходящей Деборе.

– Жду внизу, милая. Как жаль, что твой отец не смог приехать и повести тебя к алтарю...

– Да, мне тоже жаль...

Кэти на секунду представила, как бы ее не просыхающий с того дня, как начал получать пенсию за инвалидность, папаша повел ее к алтарю, и усмехнулась. Нет уж. В чертовом городке никто не знает о том, что она замуж выходит. Никто, кроме Рика. Кэти расправила несуществующие складки на корсаже, опять мазнула взглядом по окнам, выходящим на улицу. И замерла. Он стоял, опираясь на свой потрепанный байк. В кожаной куртке, наверняка (она была в этом уверена!) дурно пахнущей бензином. В потертых джинсах. Легкая небритость, черные небрежные волосы. Ухмылка. Влажная мечта всех старшекласниц и их мамашек. Как был, так и остался. Бедбой. Навсегда застрявший где-то там, в ее прошлом. Стоял и смотрел прямо на ее окна. Откуда узнал только? Как понял, что она именно здесь, в этом номере? И, главное, зачем? Ведь все ясно, предельно ясно! Кэти нервно отшатнулась. Зашагала по комнате, путаясь в длинном подоле. Они не виделись с тех пор, как она сказала ему о своем заму-

жестве. А он поздравил. Бешеным сексом, в тот раз особенно бешеным. Таким, что потом все кости ломило. Все-таки отвыкла она от его темперамента. А ведь когда-то... Кэти, не рискуя подходить к окнам, отыскала шампанское, налила полный бокал, залпом выпила. Газ ударил в ноздри, вызвал кашель. Сильный, до слез. Кэти с проклятиями побежала в ванную комнату за салфетками. Над ее лицом визажисты тоже трудились долго, придавая особую утонченность простым чертам. Чтоб не проглядывала девочка из бедного пригорода. И теперь все пошло прахом. Кэти застыла, глядя в свои, полные слез глаза. От шампанского, конечно же. Надо вытереть, надо убрать. Руки дрожали, размазывая косметику по щекам. А слезы все текли и текли. Наконец, Кэти остановилась, ухватила за край раковины и с остервенением посмотрела на себя.

– Прекрати, сука! Ты слышишь? Прекрати, бл*ть! Сегодня лучший день в твоей жизни, бл*ть! Лучший!

– Сегодня лучший день в моей жизни, Рик! – Кэти, нацепив смешную дешевую фату прямо на всклокоченные волосы, кинулась на шею парню, счастливо и пьяно смеясь.

– Ты этого хочешь, малыш? – Рик подхватил ее, привычно подбросил под попу, усаживая себе на бедра. Кэти неосознанно потерлась о него, чувствуя, как живот сводит от желания. Господи, как он так действовал на нее? Ведь по дороге в Лас Вегас они останавливались раз пять, набрасыва-

лись друг на друга прямо на обочине, трахаясь, как кролики, пьяно и весело. И вот опять, стоило только руки его на себе почувствовать.

– Да, хочу! Хочу! Хочу быть твоей! Навсегда! Хочу тебя! Сейчас прямо!

Кэти начала кусать его за шею, пытаясь заставить отодвинуться, зайти обратно в примерочную кабинку дешевого супермаркета.

– Эй, нимфоманка ты чертова, погоди, давай хоть выйдем отсюда... – он смеялся, уворачивался, но руки сжимались все крепче, голос становился все ниже. И двигался Рик именно туда, куда Кэти хотелось.

– Нет, давай здесь, давай, хочу тебя, хочу!!!

Кабинка была тесной, но зато закрывалась на хлипкую задвижку. Рик едва успел зайти, защелкнуть замок и прислониться к обратной стороне двери для надежности, как Кэти вывернулась из его объятий и упала на колени, обеими руками расстегивая ремень на джинсах.

– Сейчас твоя невеста тебе отсосет, – бормотала она, ломая ногти о тугую молнию, – хочешь этого? Хочешь? Бл*ть, говорила, надевай другие джинсы, у этих молния заедает...

Рик смотрел на нее сверху вниз, не отвечая, не помогая, зарывшись обеими ладонями в небрежный пучок на ее голове, расширенными от кайфа зрачками оглядывая ее возбужденное лицо, мокрые губы, нелепую фату в волосах. Кэти, наконец, добралась до того, что ей было так необходимо, вос-

хищенно выдохнула. Как всегда, готов. Стоит только дотро- нуться. Кэти облизнула губы, глянула снизу в темные, жесто- кие глаза, и вобрала член в рот. Сразу во всю длину. И по- чувствовала, как сжимаются на ее волосах пальцы, направ- ляя, насаживая до глотки. Жестко, как и всегда. Так, как ему нравилось. Так, как нравилось ей. В этот раз много време- ни не понадобилось, буквально несколько движений, от ко- торых Кэти давилась и слезы текли из глаз. А затем Рик дол- го целовал ее, вылизывал рот, кайфуя от собственного вкуса и трахая ее пальцами до оргазма. И это было пьяно, безба- шенно и восхитительно.

Кэти кричала на весь супермаркет, кабинка ходила ходу- ном, а привычные ко всему консультанты понимающе жали на кнопку вызова охраны.

Кэти, убрав, наконец, следы слез со щек, подкрасила губы, успокаивая себя. Зачем вспомнила? А он? Зачем он сейчас приехал?

В тот раз, сразу после окончания колледжа, они вместе рванули отдыхать. Эта дорога в Лас Вегас была их медо- вым месяцем. Если бывают, конечно, медовые месяцы перед женитьбой. Безумством, отрывом, непрекращающимся кай- фом. В перерывах между сексом Рик говорил про будущее, про то, как планировал выкупать долю в автомастерской. Об- суждал, какого метража квартиру они могут себе позволить.

Как он будет работать, а она будет рядом. С его баллами ни о каком универе речи, конечно, не шло. Кэти к тому времени уже пришел ответ из Хьюстона. Но Рик об этом не знал. Она уехала через два дня. Молча, утром, оставив его одного очередном дешевом мотеле на окраине Вегаса. А через неделю переслала документы на развод. Все, что произошло в Вегасе, остается в Вегасе. Рик подписал. И потом пропал из города. Она так и не знала, чем он занимается. И до сих пор не знала. И не хотела знать. У нее своя жизнь, свое будущее. Без него. Без. Него.

– Дорогая, мы опаздываем!

Голос Деборы вырвал Кэти из воспоминаний.

– Я, конечно, понимаю, что невесте можно опоздать, но Стивен не одобрит...

– Да, я иду, спасибо!

Кэти в последний раз посмотрела на себя, поправила все-таки нарочито небрежно уложенную прическу, слегка разрушая безупречно продуманный образ. И, подхватив платье, вышла из номера. Вниз. К ожидающему ее лимузину. Не глядя по сторонам. Ни на кого не глядя. Ни. На. Кого.

И он рядом

Кэти не замечала его ровно до того момента, пока он не сел за столик в пабе напротив. В очень даже недешевом пабе. Раньше он не мог себе такой позволить. Теперь, судя по внешнему виду, мог. Кэти целую минуту с оторопью разглядывала острое смуглое лицо, ставшие еще более хищными черты лица. Шрам на лбу, новый, год назад его не было. Твердый рисунок пухлых губ, с тоже новым для него, надменным изломом. Новая прическа: отросшие волосы зачесаны назад, больше никаких небрежных лохм. Дорогая байкерская куртка. Сверху потрепанная джинсовая безрукавка. Приятный запах парфюма. Другой человек. Вот только взгляд, темный, жадный, был прежним. Небрежно откинута рука с сигаретой, прежний, знакомый жест. Татуировка с ее именем на запястье. Кэти, уже справившись с собой, отпила пива, поставила бокал.

– Привет, Кэт.

Голос тоже прежний. И, сука, ответ организма на голос тоже. Прежний. Кэти, подавив желание ерзнуть на стуле, чтобы унять тяжесть внизу живота, улыбнулась. Не дожидается.

– Привет, Рик. Как ты здесь?

– Случайно. А ты давно в городе?

– А ты знал, что я уезжала?

Помолчал, не отрывая взгляда. Конечно знал. Он все про

нее всегда знает, скот. Всегда где-то рядом.

– Надолго?

– Не знаю... У Стивена дела непредвиденные...

Пауза. Молчание. Что же так смотрит-то? Зачем? Зачем опять он рядом?

– А у тебя, я смотрю, дела идут хорошо?

– Нормально, Кэт.

– Рада за тебя. – пора заканчивать этот бред. – Мне пора.

Поднялась, но тяжелая ладонь удержала запястье. Мгновенно прошибло током, обожгло. Прежний, бешеный взгляд. Не вырваться. Никак не вырваться. Чертов мудака!

В этом пабе был хороший, чистый туалет, с плотной тяжелой, запирающейся на массивную задвижку, дверью. Впрочем, даже если бы там стояла картонная шторка из супермаркета, Кэти было бы плевать. Зеркало обжигало холодом спину, на контрасте с огненными руками Рика, массивная столешница с закрепленной на ней раковиной ходила ходуном, и Кэти цеплялась за ставшие еще более широкими и крепкими плечи, билась затылком о стекло и кричала через сомкнутые на губах жесткие пальцы. И ощущала себя живой. Впервые за долгое, долгое время.

– Ты мне так и не рассказал ни разу, когда ты сделал эту татуху? – Кэти перекатилась на спину, переплела пальцы, с наслаждаясь контрастом своих тонких, холеных рук и его массивных и темных ладоней.

– Оно тебе надо? – ей показалось, или в голосе прозвуча-

ла неуверенность? Кэти повернулась, оперлась о голую грудь Рика, положила подбородок на кулак. В самом деле, смущается будто. Глаза отводит.

Кэти потянулась, выхватила сигарету, все такую же крепкую, дешевую и вонючую, затянулась, прикрыв глаза от удовольствия.

– Говори.

– Бля. Да чего говорить... В тот год, когда ты меня впервые послала, после старшей школы. Нажрался и сделал.

– Еще тогда? – Кэти помнила, как, испуганная своей реакцией на Рика, избегала его, не разговаривала, обзывала. – Так ты еще с тех пор?

Он молчал, закуривая новую сигарету. Кэти мимолетно подумала, что пропахнет насквозь дешевым табаком. Хорошо, что Стивен в загородном доме матери. На весь уикэнд. Кэти знала, где проведет это время. С кем проведет это время.

– Как твой муж? – Отлично. Перенимает дела у отца. – Совсем большой мальчик? – Не злись. – Не злюсь. Трахается лучше меня?

Кэти откатилась, села на кровати. Шикарной кровати в самом дорогом номере одного из лучших отелей города. Рик оплачивал его наличными.

– Откуда у тебя столько наличных?

– Это разве важно?

– Рик... – Кэти развернулась, внимательно посмотрела в

глаза. Рик спокойно встретил ее взгляд. От него вообще веяло спокойствием. Боже, как же она скучала, оказывается. – Чем ты занимаешься, Рик?

– Ты не ответила.

Кэти встала, налила себе на палец виски, бросила лед, вопросительно глянула на Рика, но тот покачал отрицательно головой. Так и лежал, раскинувшись на кровати, не сводя с нее своего привычно-темного бешеного взгляда. Медленно скользя глазами по ее телу. Они провели в постели весь вечер, Кэти, отвыкшая от таких марафонов, отвыкшая от Рика, слегка выдохлась. Он – нет. Кэти уже видела, как постепенно мутнеет его взгляд, и знала, что времени на разговоры у нее всего ничего. Да и зачем разговаривать? Не для этого она здесь. Вот напьется Риком, надышится им до тошноты, до слабости в теле, и можно будет уезжать. Убегать. В свою сытую, спокойную жизнь. В Европе. С размеренным, налаженным бытом. С дорогими, ставшими уже такими привычными, вещами. С мужем, удобным и пристойным. Для всех. И плевать, что он меняет секретарш раз в месяц. Что видится с ней пару дней в неделю. Что, когда они остаются наедине, то молчание и безразличие можно запаковывать в чемоданы. Зато у нее все есть. Все. Ведь все? Кэти, избегая становящегося все настойчивее и злее взгляда Рика, повернулась к окну, зацепилась за небрежно брошенную джинсовую безрукавку. С эмблемой язычников на спине. Даже она, бесконечно далекая от всего этого, прекрасно знала, что

это значит. – Рик? – Кэти обернулась, подхватив безрукавку, – зачем, Рик? Ты же... А как же твои планы, твоя автомастерская? Рик улыбнулся, спокойно и невесело. – Автомастерская мне не нужна. Она мне была нужна раньше. А теперь... – Но, Рик! – Кэти поставила бокал, села на кровать. Отчего она так взволновалась? За него? С каких это пор ей на него не плевать? – Рик, это же... Ведь ты же не... И замолчала. Аналитические способности ее никуда не делись и сопоставить толстую пачку денег, хорошую одежду и эмблему одного из самых серьезных байкерских клубов страны было несложно. Рик мягко сел, дотянулся до нее, повалил на кровать, подмял под себя.

– Ну? Ты не ответила. – Кэти смотрела в темные, очень серьезные сейчас глаза, и не могла ни слова выдать. И в груди все сжалось страшно и тяжело.

Рик помолчал, оглядывая ее встревоженное красивое лицо, которое косметические препараты класса люкс сделали еще более утонченным и изысканным, а затем мягко провел большим пальцем по нижней губе, раскрывая рот. Кэти лизнула подушечку.

– Впрочем, похуй. Все равно никто тебя не будет трахать так, как я.

Палец протолкнулся в рот, Рик резко двинул бедрами, устраиваясь между раскинутых ног, укусил нежную кожу на горле, намеренно оставляя след, и толкнулся внутрь, не озаботившись подготовкой. Как и всегда. Кэти лишь выгнулась,

закатив глаза и послушно посасывая палец. Да, никто и никогда.

– Мадам, он опять сбежал! И залез на дерево! И не хочет спускаться!

Голос няни, с медовыми, переливающимися нотами французского акцента звучал расстроено.

Кэти раздраженно посмотрела на нее, поднялась от компьютера и вышла в сад. Как можно не уследить за двухлетним ребенком на закрытой территории? Уму непостижимо.

– Ричи, иди сюда, – она подошла к любимому дереву сына, задрала голову. Для своего возраста этот мальчишка лазил просто отменно. – Мама! – худенькое жилистое тельце практически упало ей на руки. Кэти пошатнулась, но удержала. – Соскучился? – она покосилась на стоящую неподалеку няню, – спасибо, я сама дальше. Прижала к себе сына, пошла к лавочке, по пути мягко выговаривая ему. – Мама! – возмущенно завопил Ричи, – я – обезьянка!

Кэти только вздохнула, выпуская сына на траву и садясь на лавочку. Ричи тут же подхватил с земли дорогой, шикарный детский мотоцикл, что привез ему в один из визитов свекр, покатился, возбужденно гомоня. Кэти привычно поморщилась, глядя на подарок. Байк ей совсем не нравился, навевал ненужные ассоциации, но Ричи буквально не слезал с него.

Кэти смотрела, как ее смуглый, темноволосый сын ката-

ется на детском байке и не могла отделаться от ощущения, что все это происходит в какой-то параллельной реальности.

Не в той, где ей хотелось бы быть.

В той, идеальной, ее сын, смуглый и темноволосый, катается на детском байке, собранном его отцом вручную, во дворе своего дома, а она ждет мужа с работы. Кэти знает, что он придет, весь пропахший машинным маслом и крепкими сигаретами, обнимет ее так, что дух перехватит, поцелует, жарко и быстро, подбросит радостно визжащего сына к облакам.

Он будет смотреть на нее прищуренным темным взглядом, в котором так ярко и стыдно проступает обещание грядущей горячей ночи. Он будет говорить ей своим тихим, уверенным голосом, что всегда будет рядом. Всегда. Рядом.

Ричи катался на модном, супернавороченном байке, купленном ее свекром, до слез, до замирания сердца похожий на своего отца, застреленного полтора года назад полицейскими в очередной облаве.

А Кэти смотрела на сына и думала, что Рик всегда держит слово.

Он говорил ей, что будет рядом.

И он рядом.

Язычники – один из самых старых и известных своими связями с криминалом байкерских клубов США.

Итак, девочки, здесь я, по идее, должна бы закончить.

И долгое время для меня эта история и была завершена именно здесь.

Это правильно было и закономерно.

Все остались при своем, так, как это и бывает в жизни часто.

Но в последнее время эта парочка стала меня сильно мучить.

И потребовала дополнения.

Не развития, а именно другого финала. Тоже закономерного, но другого.

Короче говоря, ждите вечером этот финал.

А пока подумайте, может, этого достаточно?

Прозрение

– Стивен, что это значит? В принципе, Кэти не нужен был ответ. Слава Богу, не дура, и сама в состоянии сложить два и два. Или, например, доходы и расходы.

Но очень хотелось, чтоб этот слизняк начал смотреть уже на нее и прекратил изворачиваться.

– Кэти, детка, не бери в голову... – он попытался скользнуть мимо, но Кэти не пропустила, развернула к себе за локоть.

– Я уже давно ничего не беру в голову, Стивен, даже твой член! С каких пор шестьдесят процентов компании принадлежат не семье?

– Кэти... Ну, понимаешь, сейчас кризис, сложные времена... – Стивен!

Муж замолчал, не делая попытки вырваться и отвернувшись. Кэти машинально кинула взгляд на часы. Через полчаса у Ричи начинается занятие по верховой езде, надо успеть. Пренебрегать занятиями сына даже для того, чтоб выяснить спорные вопросы с этим слизняком, она не намеревалась.

– Сколько?

– Что?

– Сколько принадлежит семье теперь?

– Кэти... Тут такая ситуация...

Кэти прикрыла глаза, пытаясь выровнять дыхание и не за-

орать на кретина. Смысл орать? Сама виновата. Оставила все на самотек. После смерти свекра два года назад, у руля компании встал Стивен. И начал проводить какие-то реорганизации, реструктуризации и прочее. Кэти не пыталась вникнуть, занятая Ричи. Сын рос не по годам умненьким, а еще спортивным и бедовым. В точности, как его отец. И это надо было контролировать, направлять в нужное русло. Кэти была совершенно спокойна за благополучие семьи. Стивен хорошо поднатаскался в бизнесе, успел перенять все дела у отца. Они приобрели имение ближе к Лондону, вели светский образ жизни. И Кэти считала, что все удалось. У нее чудесный сын, достаток в доме, положение. Муж. Все хорошо. А то, что по ночам она видит Рика, могилу которого она даже не найдет никогда, это ерунда. Блажь подсознания. Рика никто не заставлял вступать в преступную группировку, никто не заставлял заниматься незаконными делами. Правда, ведь? Никто. И она ни в чем не виновата. Да. Она. Не. Виновата. Ее сын, ее единственная отрада, смотрел на нее такими знакомыми темными глазами, ерошил волосы в момент задумчивости тоже знакомо, даже губы кривил в усмешке, как его отец... И Кэти никому, даже самой себе не признается, что тоскует. Потому что нечего тосковать. Рик рядом. В их сыне. Чертов мудак добился своего. Влез в ее жизнь так, что не вырвешь ни за что на свете. Сейчас Ричи четыре года. И у него большое будущее. Ради этого будущего она сделает все. Вообще все. И черта с два этому слизняку, ее мужу, удастся

разрушить его! – Стивен! О чем ты думал, когда продавал акции? Ты вообще помнишь, что у тебя сын есть? – Да пошла ты! – неожиданно Стивен вырвал у нее из пальцев рукав и заорал, сразу становясь невозможно отвратительным. – Ты не имеешь права мне указывать, дрянь подзаборная! Да я тебя из такой клоаки вытащил, что самому страшно! Да он тебя рабочим поселком воняло на мили! Да ты... Тут он вынужден был замолчать. Потому что с выбитыми передними зубами особенно не выскажешься. А вот поорать можно от души, это да. Кэти несколько раз встряхнула ушибленной рукой, посмотрела на воющего и плюющегося кровью мужа, подхватила сумочку и вышла прочь. На занятие нельзя было опаздывать. Тренер Ричи – лучший в Лондоне и у него строгие правила. А насчет тревожной ситуации... Надо будет проконсультироваться с юристом. И подать на развод. Пока не поздно. Слава богу, они в Европе. И законодательство здесь очень приятное для женщин с детьми. Темную машину, прицепившуюся к ней сразу, стоило выехать за ворота особняка, Кэти не заметила. А зря.

Она умеет быть благодарной

– Дебора, я не понимаю, что значит, «Я не забрала Ричи»?

Что за бред?

Кэти была вынуждена оторвать трубку от уха, чтоб выдохнуть. И еще раз. И еще. Потому что спазм, охвативший сердце, когда ее бестолковая свекровь позвонила и сообщила, что не успела забрать Ричи с плавания, никак не желал проходить.

Она так и полетела по лестнице вниз, забыв про лифт, слушая сбивчивый лепет в трубке и ругая себя последними словами.

Дура! Какая дура! Зачем понадеялась на эту ненормальную? Как могла?

Разговор с юристом незапланированно затянулся, Кэти необходимо было вникнуть во все тонкости, а время окончания занятий у Ричи подходило к концу... Все равно нельзя было, нельзя! Эта дура... Кэти слушала, как Дебора плачет в трубку, рассказывая, что немного опоздала и не нашла Ричи в раздевалке бассейна, а тренер сказал, что его забрал отец... Но Стивена не должно быть в городе, он еще на прошлой неделе съехал в их имение, посетив травматологию предварительно.

Она отключила эту сучку, после смерти мужа сильно сдавшую и теперь только и занимающуюся качественной еблей

мозгов, и набрала мужа.

– Где Ричи? – рывкнула она, едва дождавшись ответа.

– С тобой, – удивился Стивен, и очень даже натурально.

Так натурально, что у нее волосы на голове зашевелились.

Если не у него, если...

Она села за руль, включила зажигание и замерла. В трубке что-то орал Стивен, что-то спрашивал, но Кэти не реагировала. Пожалуй, впервые в ее жизни она не могла собраться. Хотя нет. Не впервые.

Первый раз был, когда она позвонила домой три с половиной года назад и мать между делом сказала:

– Ах, да, помнишь Рика? Так его убили, представляешь...

Она тогда, помнится, тоже вот так вот села с телефонной трубкой прямо на пол. И какое-то время сидела, тупо глядя перед собой в пространство. А потом выронила телефон, встала и пошла в комнату сына. И долго стояла над его кроватью, разглядывая такие знакомые черты.

Тогда она не плакала. Даже позывов не было. Просто растерянность, просто какой-то невероятный коллапс. Словно исчезло нечто такое, что всегда воспринималось константой. Ну, как рука, нога или глаз, например. Вот было – и нет. Ампутировалось. А все еще чувствуется. Не болит, нет. Просто ощущается, как неделимое. Рядом.

Сейчас было что-то сродни тому ощущению.

Только страшнее.

Плакать по-прежнему она не могла, но и собраться, начать

действовать – тоже.

Ее мальчик... Ее Ричи...

Стивен уже орал на нее матерно, но Кэти не слышала.

А потом получила звонок по второй линии.

Отключила Стивена и взяла трубку.

И буквально через секунду поняла, что значит не просто ампутация, а ампутация без наркоза.

Голос в трубке бесстрастно заявил, что ребенка можно будет забрать. Но только после выкупа. Сумма в десять миллионов долларов не показалась неподъемной. Но, учитывая обстоятельства, и то, что на руках не было... Кэти выслушала, ответила положительно, мимоходом удивляясь тому, насколько замороженный у нее голос.

Вышла из машины и вернулась к юристу.

Похитители говорили про полицию, но ничего про юристов.

Телефон опять зазвонил, но Кэти отклонила вызов Стивена. А потом и Деборы.

Юрист, самый лучший в Лондоне. Она подскажет, что делать. И где взять деньги.

– Кэтрин... Понимаете, судя по вашему рассказу и моим данным, активов у вас нет. В распоряжении вашей семьи только дом и имение. Деньги, что Стивен получил за пакет акций компании, полностью ушли на погашение его долгов, я проверила, на счетах пусто, сделки уже совершены, их назад не отозвать. В любом случае, это время, которого у нас

нет.

Юрист, Мелани Корп, участливо подвинула Кэти стакан воды.

– А дом? Имение? Взять под них кредит?

– Кэти... – Мелани покачала головой, – я сегодня проверяла, не хотела вас пока пугать... Но они тоже заложены. Конечно, при бракоразводном процессе, вы получили бы максимум, и возможность распоряжаться тем, что еще не в залоге... Ферма в Нормандии, несколько площадей в аренде в центре Лондона... Но этого недостаточно, вы же понимаете... И времени тоже недостаточно. Я настаиваю на полиции.

– Нет. Я не буду так рисковать.

– Кэти... – Мелани помолчала, видно, подбирая слова, – вам нужно быть готовой к тому, что...

– Нет!

Кэти сжала стакан с водой, испытывая дикое желание запустить его в холеное лицо юриста. Сука! Да как она смеет! Ее сын жив! И будет жить! Она все для этого сделает! Нет свободных денег – значит, надо найти!

– Хорошо. Если нет законных способов быстро получить деньги, как насчет... Других?

– Кэти... Я бы не стала пользоваться этим способом...

– Да мне плевать, что бы ты стала и не стала делать, сука! – заорала Кэти и все же швырнула стакан, только не в лицо Мелани, а в стену, – у меня сын непонятно где! Один! Он может испугаться! Ему скоро обедать, а у него аллергия на

рыбу!

Она сама понимала, что несет бред, и надо, наоборот, сконцентрироваться, но не могла остановиться, продолжая орать на юриста.

Потом выдохлась, с удивлением посмотрела на сжатые кулаки.

– Кэтрин... – Мелани не выглядела испуганной, просто напряженной, – вы не в себе, понимаете? Я сейчас позвоню, у меня есть связи в полиции...

– Никакой, бля, полиции, – Кэти подняла на нее взгляд, холодный до невозможности. И вот теперь, судя по выражению лица, Мелани испугалась. Все же не каждый день видишь, как из-под скорлупы английской леди вылупляется та, прежняя, давно, казалось, похороненная девочка из трейлерного городка, готовая рвать за свои зубы. – Только попробуй, сучка. Если моего сына... – Кэти сделала паузу, даже мысленно не собираясь этого проговаривать, – я приду и перегрызу тебе горло. Поняла?

– Кэтрин... Я...

Кажется, Мелани растерялась.

Молодец, Кэти, довела до нервного срыва юриста. А результата пока не получила.

Выдыхай, Кэти, выдыхай...

– Простите, – отвернулась, успокаиваясь, к стене, – я...

– Я все понимаю.

Мелани отошла к столу, достала визитницу.

– Позвоните этому человеку. Он... Может занять нужную сумму. Скажите, что от меня.

Кэти взяла визитку, простую белую карточку, без имени, только с номером телефона, кивком поблагодарила и вышла из кабинета.

Набирала уже в машине.

Прошло всего десять минут со звонка похитителей. Они дали два часа. Она успеет.

Голос в трубке был женским.

Кэти назвала имя юриста, обозначила проблему.

И через пять минут уже выезжала в центр.

Телефон все время трезвонил, Дебору Кэти игнорировала, а Стивена коротко послала нахер, сказав, чтоб не смел дергаться.

Судя по голосу, муж был сильно нетрезв, как и всегда в последнее время, скот.

Поэтому Кэти не сомневалась, что он не будет никуда звонить. Завалится спать.

Господи, о чем она думала, когда выходила за него замуж?

Ах, да, о спокойствии и благополучии.

Дура.

Нужный адрес был в самом историческом центре, и Кэти даже приблизительно представляла, сколько здесь могут стоять площади. Одно радовало, деньги у владельцев есть.

Скромный офис на первом этаже, в серых холодных тонах.

Мужчина в кресле за рабочим столом.

Темноволосый, с жестким взглядом. Знакомым.

Кэти сначала показалось, что она сошла с ума. От стресса, горя и неожиданности. И, вполне возможно, что сейчас в бреду валяется на больничной койке. Или даже умерла. Если так, то вполне закономерно видеть то, что она увидела.

Вернее, того.

Рик смотрел на нее молча, без каких-либо эмоций.

Или мужчина, похожий на Рика.

Потому что Рик в могиле. Уже три с половиной года. И она даже не знает, где его похоронили.

– Привет, Кэт.

Знакомый голос потряс до обморока, и вот тут-то Кэти и упала.

Пришла в себя на диване. Все в той же комнате, только шторы тяжелые теперь были раздернуты, окно открыто.

Рик стоял у стола, наливал коричневую жидкость в пузатый стакан.

Он был как раз возле окна, и Кэти могла его рассмотреть. Она и рассматривала. Молча.

Живой.

Господи.

Он живой.

Она смотрела, пока глазам не стало больно.

Прикоснулась к лицу, растерянно провела по щеке, стирая влагу. Слезы? Какие, откуда?

– Рик...

Почему-то шепотом. Словно звук мог нарушить происходящее, словно Рик мог от этого опять исчезнуть. Пропасть.

– Да, Кэти. Выпей.

Он протянул ей стакан, она послушно глотнула. Коньяк пошел, как вода, даже горло не обожгло.

Ричи!

А вот теперь она закашлялась.

Появление Рика – это, конечно, невероятно, и странно, и очень, просто очень хорошо, но Ричи!

– Мой сын...

– Я в курсе, Кэт. Уже решают.

– Но...

– Ты прости, – он поддернул брюки и присел перед диваном, на уровень ее глаз. Кэти машинально отметила этот новый жест.

Прежний Рик не заморачивался такими вещами, как отвисшие коленки у брюк. Потому что не носил ничего подобного.

Превращение язычника, простого опасного парня в респектабельного джентльмена, было нереальным, сказочным.

И Кэти обязательно хотела узнать, как это произошло. Но потом. Потом.

– За что простить?

– Я упустил его. Просто моего человека задержали на улице полицейские, он отвлекся... Накладка, в общем. Но все

уже завершилось. Они успели только позвонить. Прости, что заставил волноваться.

Он даже говорил по-другому, этот новый Рик.

И какие-то вещи говорил, странные.

Непонятные.

Его человек... Отвлекся... Заставил волноваться...

– Что?

Кэти понимала, что тупит. И страшно. Но ощущение нереальности усиливалось.

И из всего монолога Рика она уловила только ключевые фразы.

Все уже завершилось... Что завершилось?

– Что завершилось?

– Кэт... – он поднял руку, словно хотел дотронуться до ее лица, но потом передумал и встал, отошел к столу, подхватил сигареты, закурил.

И тут Кэти задохнулась узнаванием.

Это был Рик.

Это был ее Рик! Господи! Ее Рик!

Она поспешно закрыла рот пальцами, стараясь сдержать крик. Или рыдания. Или... Да неважно.

– Эй, ты чего?

Рик торопливо бросил сигарету, налил ей воды, отдал.

– Давай, приходи в себя!

И все же провел пальцами по ее щеке. Не удержался.

Кэти дернулась от его прикосновения, пальцы так при-

вычно, так долгожданно обожгли кожу.

Она не сводила с него глаз. Уронила стакан, перехватила его ладонь.

– Это ты, Рик? Да? Это ты?

– Конечно я.

– Но... Мне мама сказала, что тебя...

– Ну да. Практически, – он усмехнулся грустно. А потом осторожно убрал руку от ее щеки. Кэти не стала удерживать.

Она уже стремительно приходила в себя, и вопрос с сыном по-прежнему оставался главным. Потом она с Риком разберется. Потом.

– Ричи...

– Сейчас.

Он отошел от нее, достал сотовый, коротко переговорил. Кэти все это время глаз с него не сводила, чувствуя себя очень странно.

Бешеный страх за сына сочетался с удивлением, даже радостью от того, что Рик жив.

– Все нормально. Его привезут сейчас.

– С ним все хорошо? Он не испугался?

– Он не пострадал.

Кэти не стала даже вопросов задавать про похитителей. Ей было глубоко наплевать в этот момент, что с ними стало. Главное, что ее сын скоро будет рядом.

И, боже мой! Чтоб она хоть раз его отпустила! Хоть раз его выпустила из поля зрения!

– Как ты..?

Она не задала вопрос до конца, не смогла сформулировать, но Рик понял.

– Ну... – он опять нашел сигарету, прикурил, – я же обещал тебе... А ты уехала. Сюда. Мне пришлось... Это если кратко.

– Значит, ты все это время..?

– Практически. Здесь я только два года. До этого был... В другом месте.

– Кто ты теперь, Рик?

Кэти понимала, что сейчас не время и не место для душевных бесед, и не сможет она нормально его услышать. А когда она его вообще слышала? Когда понимала? Было такое хоть раз?

– Я? – он выдохнул дым, прищурился на нее, так знакомо, что сердце закололо, – я – Рик. Как у тебя семейная жизнь? Смотрю, удалась?

Кэти не выдержала его взгляда, отвернулась. А еще разозлилась. Мудак. Как был, так и остался.

Но она теперь другая.

И она умеет сдерживаться.

А еще – умеет быть благодарной.

Рик все смотрел на нее, и взгляд его, как всегда, приобретал физическое, плотское. Он скользил по ее лицу, по фигуре, оглаживал коленки. Кэти бы, наверно, опять почувствовала возбуждение. Если бы не ситуация. Если бы не...

Тут распахнулась дверь и вбежал Ричи.

– Мама! А я из пистолета стрелял! Практически!

Кэти подхватила его, сжала так, что он даже пискнул от боли. Зарылась в нежно пахнущую макушку. Ричи что-то лепетал, смеялся. И вообще выглядел бодрым и веселым. Явно не испуганным и не осознавшим произошедшее.

Ее мальчик. С крепкими нервами. Смелый и сильный. Как его отец.

Ричи что-то пищал, взхлеб рассказывая, как за ним приехали какие-то люди, как его везли в машине, а потом машину остановили другие люди, и его забрали. И они были веселые! И дали подержать пистолет! И обещали сводить на стрельбище! Это так называется место, где можно стрелять! А Кэти держала его, понимая, что больше никогда, никуда, ни за что...

А потом посмотрела поверх его макушки на Рика. В его глаза. Темные. Жадные. Напряженные. Переводящие взгляд с ее лица на лицо ее сына.

Темноволосого, темноглазого, смуглого. Бедового. Смелого и веселого. Красивого. Лет через десять будет самым популярным парнем в колледже.

Как и его отец когда-то.

Она посмотрела в его глаза.

И кивнула на невысказанный вопрос.

Она умеет быть благодарной. Да.

* * *

Девочки, я дала им шанс. Все же. Не уверена, что это именно то, чего вы хотели, но так я пока что вижу историю Кэти. И вот что я вам хочу сказать... Меня очень сильно цепляет Рик. Так сильно, что я, возможно, захочу написать что-то от его лица. Насколько это будет вам интересно, друзья?

В любом случае, я пока что не прощаюсь с героями. Говорю им «До свидания». И ставлю на этой истории

ЗАКОНЧЕНО.

Спасибо, что вы со мной!

Я пишу для вас!

Я люблю вас!